

УДК: 323.1

А. М. Титович, В. Р. Атнашев

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (2010–2020-Е ГОДЫ)

ТИТОВИЧ Адам Михайлович – магистрант факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС. д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия. E-mail: lutkof@hotmail.com

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович – кандидат философских наук, доцент кафедры международного и гуманитарного права. Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС. д. 57/43, Средний пр. В.О., Санкт-Петербург, 199178, Россия. E-mail: atnashev-vr@ranepa.ru

Границы Индо-Тихоокеанского региона не устоявшиеся, но прежде всего морские, что помогает определить его базисную ось – морские пути Юго-Восточной Азии. Средние державы Индо-Тихоокеанского региона в долгосрочной перспективе обеспечивают конкурентоспособную модель регионализма. В июне 2019 года десять стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) согласились с перспективой расширения географии региона, что подтверждает тезис, что Индо-Тихоокеанский регион не является идеей чуждой для Азии. В действительности, концепция предоставляет средним державам Юго-Восточной Азии центральную роль в регионе, в соответствии с исключительным географическим положением между Индийским и Тихим океанами. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года представляет собой значимый документ в формировании нарратива регионального процесса, стоящего за концепцией Индо-Тихоокеанского региона.

Проект ASEAN Common Visa и средства его достижения в горизонте 2025 года являются механизмом повышения эффективности региональной интеграции и наверстывания упущенного потенциала в контексте возникших противоречий в рамках APSC (ASEAN Political-Security Community), AEC (ASEAN Economic Community), ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC). Проект ASEAN Common Visa может стать инструментом формирования новой региональной идентичности для Юго-Восточной Азии.

АСЕАН; МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; СРЕДНЯЯ ДЕРЖАВА; ГЕОЭКОНОМИКА; ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ; БЕЗОПАСНОСТЬ; ТУРИЗМ

Актуальность исследования заключается в том, что концепция Индо-Тихоокеанского региона представляет собой название для новой политической и политологической концепции, во многом стратегической, сосредоточенной на морских национальных государствах Восточной и

Юго-Восточной Азии. Средние державы Тихого и Индийского океана представляют собой “bridge-builder”, ключевых акторов международных отношений как в налаживании экономических, дипломатических, инфраструктурных отношений, так и в стратегической конкуренции многочисленных и разнообразных наций двух океанов в их стремлении обеспечить объективные национальные интересы посредством размывания старых географических границ. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии формирует новое видение географических и функциональных границ региона посредством ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года.

Реализуемый проект ASEAN Common Visa готовится в горизонте 2025 года в контексте Индо-Тихоокеанского региона, затрагивает вопросы региональной безопасности, борьбы с нетрадиционными угрозами национальной безопасности, ликвидации последствий природных катаклизмов, миграционной политики, институтов рынка услуг, экологии и во многом является стратегическим проектом по формированию качественно нового регионального пространства АСЕАН. Индустрия туризма в АСЕАН в 2006 г. составила 2 326 577 долл. США, в 2017 г. – 9 697 585 долл. США, доход от туристской сферы за 11 лет вырос в 4 раза в соответствии с данными Euromoney Institutional Investor Company (EIIIC).

Понимание тенденций развития внешнеполитического курса и национальных интересов стран Юго-Восточной Азии представляется еще более важным в контексте расширения международной повестки со стороны Российской Федерации в рамках двустороннего и межрегионального сотрудничества, особенно ввиду создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Сингапур.

Объектом исследования являются региональные интеграционные процессы Ассоциации стран Юго-Восточной Азии в 2010–2020-ые гг. в контексте Индо-Тихоокеанского региона. *Предметом исследования* являются видение и принципы развития концепции Индо-Тихоокеанского региона в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии в контексте их имплементации в рамках проекта ASEAN Common Visa в 2010–2020-ые гг.

Цель, задачи и методы исследования: выявить географические и функциональные границы Индо-Тихоокеанского региона в контексте ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года. В рамках исследования автором

применяются следующие методы: общенаучные методы, индуктивный и дедуктивный, сравнительный анализ кейсов (case study), классический анализ нормативно-правовых актов и официальных документов.

Индо-Тихоокеанский (Indo-Pacific) регион представляет собой нейтральное название для новой политической и политологической концепции, во многом стратегической, сосредоточенной на морских национальных государствах Восточной и Юго-Восточной Азии. Национальные государства Тихого и Индийского океана представляют собой “bridge-builder”, ключевые акторы международных отношений как в налаживании экономических, дипломатических, инфраструктурных направлениях, так и в стратегической конкуренции многочисленных и разнообразных наций двух океанов в стремлении обеспечить объективные национальные интересы посредством размывания старых географических границ, в значительной степени из-за подъема Китайской Народной Республики. Концепция Индо-Тихоокеанского региона постулирует многополярность регионального порядка, предлагая ответ на стратегические проблемы, связанные с появлением в регионе дисбаланса власти сверхдержавы, Китайской Народной Республики.

В политологическом дискурсе существует точка зрения, что Индо-Тихоокеанский регион является конструктом внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки, спецификацией политической мысли послевоенной Японии, Австралийским конструктом региональной безопасности, видением Европейского союза по вопросу экономических проектов, проектом Республики Индонезия по обеспечению регионального влияния. В такой перспективе становится очевидно, что Китайская Народная Республика испытывает дискомфорт, ввиду того факта, что Индо-Тихоокеанский конструкт представляет собой стратегию сдерживания мощи и власти посредством четырехстороннего (пястороннего) союза: Соединенных Штатов Америки, Японии, Республики Индия, Австралийского Союза и Республики Индонезия – являющимися, так или иначе, странами демократического мира. Министр иностранных дел КНР Ван И отмечал [1], что Индо-Тихоокеанский регион является “притягивающей внимание идеей, которая рассеется как морская пена” [2], однако, в государственном управлении, как отмечал [3] Роберт Каплан, важным элементом представляется политический дискурс,

отношения между политическими акторами, равно как и международными акторами вовлекают дискурсивные конструкты. Внешнеполитическая стратегия формируется из понимания естественного региона национального государства, что представляет собой маркер того, что является для нее витальным национальным интересом, в свою очередь, формируются решения национальной системы администрирования, распределяются ресурсы и внимание, ранжируются акторы, формируется внешнеполитический дискурс. Национальное видение географического положения или “регионализма” [4] определяет направление внешнеполитического курса национального государства, международное сотрудничество и международные институты.

Л.А. Андропова и Ван Чаолинъ отмечали в своей работе [5], что в середине 2010-х годов, дискурсивный конструкт “Индо-Тихоокеанский регион” проявляет себя в документах стратегического планирования и иных программных документах: Белая книга по обороне Австралийского союза 2013 [6] года, Стратегия внешней политики Японии 2017 года, Стратегия национальной безопасности Японии 2017 года [7], Стратегия по обороне Соединенных Штатов Америки 2018 года [8] – однако, возможно отметить, что концепция ИТР проявляет себя и в документах Всестороннего экономического партнёрства, Восточноазиатского саммита, Ассоциации стран Юго-Восточной Азии и её расширенных форматов. В ноябре 2017 года, в период президентства Д.Трампа формируется стратегия Free and Open Indo-Pacific (FOIP) [9], концепция ИТР используется все более широким кругом официальных лиц, в свою очередь для Соединенных Штатов Америки данная дискурсивная практика открывает новый уровень стратегического планирования и перераспределения зон ответственности, в частности трансформация PACOM в INDOPACOM (Индо-Тихоокеанское командование), формирование Quadrilateral Security Dialogue (Четырехсторонний диалог по безопасности).

Национальное государство определяет рамки своего внешнеполитического дискурса, которые систематизируют объективную реальность системы международных отношений в их контексте. Несмотря на непостоянство, непрозрачность и внутренний конфликт понимание Китайской Народной Республики части мира как “пояса и пути” стало

привычным. Азиатско-Тихоокеанский регион, регион Восточной Азии, Южной Азии, Северная Атлантика, Евразия, Большое Евразийское пространство и Большой Ближний Восток являются подобными языковыми политическими и географическими конструктами. Конструкции, предложенные ярлыки, имеют временные рамки и, как отмечал Амитав Ахария [10, с. 82], эгоцентричную политическую цель. Понятие “Азии” являлась афинским конструктом для греческой восточной периферии; в 1820 годах австрийский имперский государственный деятель, дипломат Клеменс фон Меттерних обозначил границу Европы и Азии между Веной и Будапештом; в 2014 году по инициативе [11] Китайской Народной Республики прошла конференция, на которой представителям государств была предложена задача определить будущие границы “Азии”, среди участников конференции была Арабская Республика Египет, Российская Федерация, однако, представители Японии и Республики Индонезия приглашены не были, страны для которых существенную роль в региональном понимании начинает играть Индо-Тихоокеанский регион. Таким образом, для понимания “Азии” XXI века необходимо учитывать проявившую себя двоичность определяющих тенденцию конструктов. Вместе с этим в состав акторов конструктов входят многие “средние державы”, имеющие возможность влиять на баланс власти в регионе.

В.В. Вершинина обозначила в своей работе [12] существование трёх теоретических подходов к понятию “средняя держава”: иерархический, поведенческий, конструктивистский. Первый подход был разработан Дж. Глазербукком [13] в 1947 году, включал в себя понимание “средней державы” как национального государства склонного к ограничению преобладания великих держав в регионе, коллективным действиям на международной арене, укреплению позиций отдельный средних держав; в дальнейшей исследовательской практике этот подход был доработан К. Холбрандом [14, с. 75], включив в матрицу оценивания измеримые показатели ВВП, размера территории, численность населения, численность вооруженных сил. Поведенческий подход основывается на duck-test [15, с. 178], предпосылке, что анализ средней державы должен основываться на её внешнеполитической акторности в качестве средней державы, характеризующемся стремлением к многостороннему решению

международных проблем, признанию верховенства международного сообщества и международного права [16, с. 96]; таким образом, возможность влиять на международные процессы является аналитической единицей в исследовании “средней державы”, ввиду того, что, как отмечал Р.О. Кеохейн [17, с. 189], средняя держава не обладает достаточной мощностью для формирования процессов мировой политики, главным инструментом, следовательно, предметом исследования, становятся различные международные институты. В рамках конструктивистского подхода, представленного [18, с. 428] Р. Коксом в 1989 году, “средняя держава” является конструктом, создаваемым политическим лидером, элитой, в рамках методологии, данный подход стирает классификации “средних держав”; политические лидеры, элиты провозглашают и позиционируют страны в качестве средних держав, тем самым занимают место в системе международных отношений.

На современном этапе страны Индо-Тихоокеанского региона взаимодействуют в условиях экономической, политической, дипломатической конкуренции Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики, в условиях разнонаправленности и разных измерений национальных внешнеполитических курсов, что оказывает влияние на устойчивое положение дел в региональном контексте, вызывая реакцию отдельно взятых элементов системы. Баланс власти Индо-Тихоокеанского региона состоит как минимум из интересов Китайской Народной Республики, Японии, Соединенных Штатов Америки и Республики Индия, однако, и многих “средних держав”: Австралийский Союз, Республика Индонезия, Южная Корея, другие страны Юго-Восточной Азии, вместе с этим объективные интересы Российской Федерации, и не в последнюю очередь, консолидированной Европы должны быть приняты во внимание; что говорит о многополярной системе регионального порядка/беспорядка, который не может определяться одной державой. В таких условиях немаловажным фактором оказывается комбинация интересов, ценностей и идентичности, которые стоят за региональными стейкхолдерами. Индо-Тихоокеанский регион в перспективе учитывает не только вопросы обороны и безопасности, во многом широкие, в условиях секьюритизации вызовов национальной безопасности, но и поиск ресурсов систем национального

администрирования для обеспечения устойчивости в условиях угроз, предоставляемых естественной средой обитания. Сложность многополярности Индо-Тихоокеанского региона в начале XXI века определяется четырьмя измерениями: геоэкономика [19], баланс военной силы, дипломатия, конфликт национальной идентичности – формирующиеся в условиях конкурентной борьбы, что и формирует тенденцию регионального развития.

Геоэкономика, особенно спрос на энергетические ресурсы, способствовала росту современного Индо-Тихоокеанского региона. Китайская Народная Республика, Южная Корея, Япония, Тайвань, Юго-Восточная Азия, Австралийский Союз, Республика Индия остро зависят от безопасности и стабильности именно морских каналов поставки энергетических ресурсов, что выделяет базисную морскую ось Индо-Тихоокеанского региона как ключевого центр притяжения мировой экономики и торговли (логистика как минимум двух третей мировой нефти и трети мировых грузов обеспечивается этой осью). Региональные акторы конкурируют за обеспечения связи, под чем автор подразумевает строительство портов, дорог, железнодорожной, электрической и коммуникационной инфраструктуры с целью обеспечения связи стран Азии, Африки, Европы и Тихого океана. Более 90 процентов [20, с. 142] нефтяных ресурсов, импортируемой руды, меди и угля Китайской Народной Республики обеспечиваются морским путем. Исключительную роль в вышеуказанном процессе играют островные государства. Процессы глобализации вызывали амбивалентную тенденцию в сфере телекоммуникаций, введение в эксплуатацию искусственного интеллекта, системы сети 5G становятся конкурентным полем со стороны государств в борьбе за власть [21, с. 20] преимущественно посредством экономики и технологического прогресса.

Однако существенным фактором является военное измерение Индо-Тихоокеанского региона. Военно-морской флот Китайской Народной Республики укрупняется, в соответствии с провозглашенной в 2015 году Генеральным секретарем Коммунистической партии Си Цзиньпином, новой китайской стратегии [22], касающейся защиты морских вод, открытого моря, дальнейшего развёртывания сил в дальних водах КНР. Программа и общий план программы судостроения, появление первой

зарубежной базы китайских военных демонстрирует, что КНР попытается сохранить достигнутые позиции. Так, например, с начала 2009 года военные корабли КНР противодействуют пиратству в территориальных водах Сомали, в дальнейшем к ним присоединилась Российская Федерация и Республика Сингапур. Вместе с этим, Япония открыла военную базу в Джибути до КНР. Присутствие флотов Европейского Союза и США нельзя сбрасывать со счетов. Военно-морские силы сходятся как к западу, так и к востоку от Малаккского пролива. Индийские, американские и японские военные корабли проводят учения в заливе Бенгалия и в западной части Тихого океана, Австралия успешно взаимодействует почти со всеми акторами в совместных учениях в водах к северу от Дарвина. Происходит эскалация территориальных конфликтов в Южно-Китайском море, существенны вопросы искусственных насыпных островов. Угроза терроризма и пиратства, незаконного рыбного промысла имеет место в каждой узловой точке Индо-Тихоокеанского региона. В условиях общей морской милитаризации региона коммерческие и некоммерческие флоты осуществляют свое международное право использовать обозначенную морскую ось. Региональная архитектура мира, к сожалению, во многом хрупка и служит очередной платформой конкурентной борьбы за власть, в практическом смысле меры по укреплению доверия находятся в дефиците. Многосторонние форматы взаимодействия “средних держав” формируют гибкую кооперацию, основанную на общих интересах, ценностях и естественной среде обитания.

Кризис доверия остается критическим вопросом, Индо-Тихоокеанская концепция, в соответствии с принадлежность стран к демократическому миру, включает в себя усилия по формированию публичных отношений, учёт общественного и экспертного мнения для выработки принятия решения стейкхолдерами, в рамках национальных политических дискурсов звучат тезисы о политической войне [23]. Пересмотр исторических итогов возникает в контексте территориальных конфликтов, существенна роль “fake news” во время электоральных циклов. Особенности китайской политики “мягкой силы”, во многом нейтрализующей противодействие экономическим влиянием, азиатская идентичность КНР все же обеспечивает их доминирование [24], в этих условиях Соединенные Штаты Америки поддерживают широкий круг

“средних держав” [25] во многом посредством аналитических центров, медиа-организаций и университетов.

Акторы Индо-Тихоокеанского региона характеризуются преемственностью к своему сотрудничеству через призму сосуществования, к конкуренции и конфронтации и на данном моменте динамика имеет признаки конфронтационного роста: Тайвань, Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, Корейский полуостров [26]. Конфликты могут иметь даже не пространственное измерение, но включать вмешательство в информационную область. Исход ограниченного конфликта в Индо-Тихоокеанском регионе нуждается в системном анализе, в конечном итоге, риски от ядерного оружия, критической дисфункции инфраструктуры, морской блокады отдельных проливов, миграционных потоков являются важными факторами анализа в контексте нового регионального ландшафта безопасности. Вместе с этим необходимо отметить, что правительства Индо-Тихоокеанского региона гораздо серьезнее относятся к противодействию общим угрозам, таким как стихийные бедствия, пиратство, терроризм, стихийные бедствия и пандемии.

Объект анализа Предмет анализа	Концепция и принципы	Инициативы и реализация концепции	Границы региона
Соединенные Штаты Америки	<p>FOIP (Free and Open Indo-Pacific)</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ является геополитическим и геоэкономическим пространством, объектом защиты глобальных интересов США [27]; ▪ построен на сетевой структуре; ▪ приверженность принципу ДНЯО; ▪ строится на либерализации торговли и торговых путей; ▪ уважение национального суверенитета, принцип мирного разрешения конфликтов, уважение норм международного права, свобода воздушного и морского транспорта, уважение принципа частной собственности, честной 	<p>Безопасность</p> <p>Экспорт вооружения, экспорт истребителей F16 и F18 в Индию.</p> <p>Продвижение системы ПРО в сотрудничестве с Японией и Австралией, расширение сети военно-морских баз, например база Ломбрум на острове Манус, Папуа - Новая Гвинея. Malabar, совместные учения в Индийском океане; Indo-Pacific Chiefs of Defense Conference; Quadrilateral Security Dialogue;</p> <p>Привнесение дискурсивной практики ИТР в ВАС и АРФ.</p>	<p>Национальные государства, граничащие с Индийским и Тихим океанами, Гуам, Американское Самоа, Гавайи. FOIP не исключает Китайскую Народную Республику из состава региона.</p>

	<p>конкуренции, открытого рынка [28];</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ продвижение проекта региональной безопасности посредством укрепления двусторонних альянсов с Японией, Южной Кореей, Сингапуром, Тайванем, Новой Зеландией, Индией, Индонезией, Малайзией, Камбоджей, Вьетнамом, Бруней-Даруссаламом, островными государствами западной части Тихого океана; ▪ АСЕАН занимает центральную роль в региональной архитектуре безопасности: АРФ, ВАС, субрегиональные инициативы (LMI); ▪ подчеркивается высокая роль совместных инфраструктурных проектов и проектов по формированию политических институтов: ИРТИ – Индо-Тихоокеанская инициатива прозрачности, цель которой заключается в развитии демократии, формировании гражданского общества и свободной прессы, борьбе с коррупцией, установление принципов “good government”; ▪ выравнивание торгового баланса в двусторонних торговых отношениях между США и странами ИТР. <p>Документы Национальная стратегия безопасности 2018 года; Indo-Pacific Strategy Report.</p>	<p>Связанность Better Utilization of Investments Leading to Development Act (BUILD Act), 60 млрд. долларов США; Asia Reassurance Initiative Act (ARIA), 1.5 млрд. долларов США; Blue Dot Network; Enhancing Development and Growth through Energy (Asia EDGE) [30]; Infrastructure Transaction and Assistance Network (ITAN), Transaction Advisory Fund (TAF); “Pacific Pledge”, USAID, 100 млрд. долларов США; Papua New Guinea Electrification Partnership (PEP), Папуа – Новая Гвинея, Новая Зеландия, Австралия Япония, США; Pacific Region Infrastructure Facility (PRIF).</p>	
Япония	<p>FOIP (Free and Open Indo-Pacific) [32]</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ региональная архитектура безопасности строится на стратегических союзах, США являются гарантом безопасности Японии, расширение сотрудничества с США, Индией, Австралией [33]; ▪ поддержание норм 	<p>Связанность “Quality Infrastructure”, 2015 год, 200 млрд. долларов США [35]: строительство и инвестирование, льготное кредитование инфраструктурных проектов – линия Бангкок – Чиангмай, Таиланд, Мумбаи –</p>	<p>Географическое пространство от восточного побережья Африки до побережья Америки со стороны Тихого Океана, не исключает КНР [36].</p>

	<p>международного права, в частности UNCLOS [34];</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ рост физической связанности между акторами региона посредством инфраструктурных проектов расширение программ обмена и межинституционального сотрудничества; ▪ нет нормативного упоминания утверждения процессов демократизации; <p>Документы FOIP Strategy; Diplomatic Bluebook 2017; White Paper on Development Cooperation 2017; FOIP Vision, 2018; Diplomatic Bluebook 2019.</p>	<p>Ахмедабада, строительство дорожно-транспортной инфраструктуры во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, электростанции в Танзании и Индии. Участие в инициативе ЕС, Asia Connectivity Strategy; Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (СРТПП); Безопасность Acquisition and Cross-Servicing Agreement (ACSA), договор взаимного использования военных баз для материально-технического обеспечения; Совместные учения с Шри-Ланкой, Сингапуром Индонезией и Филиппинами, Индией, США; Tokyo’s support for the Pacific Islands Leaders Meeting (PALM).</p>	
<p>Австралийский союз</p>	<p>Индо-Тихоокеанский регион (Indo-Pacific region)</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ регион состоит из «средних держав», Австралия является средней державой и зависимой от США; ▪ Восточная Азия и Южная Азия больше не могут рассматриваться как отдельные регионы; ▪ ИТР является качественно и количественно расширяющимся АТР; ▪ внешнеполитические интересы в безопасной естественной среде (Индонезии, Тимор-Лешти, Папуа – Новая Гвинея) транслируются на регион; ▪ необходимость присутствия США в сфере безопасности; 	<p>Безопасность ВАС; АРФ; ADMM-Plus; IORA; Quadrilateral Security Dialogue. “Indo-Pacific Endeavour”, совместные учения.</p> <p>Связанность АТЭС; Australia-United States Ministerial Consultations, 2018, Blue Dot Network; New Colombo Plan, проект стажировок для 40 стран ИТР.</p>	<p>Пространство, ограниченное географической дугой, охватывающей западную часть Тихого океана и Индийского океана, т.е. пространство от восточной части Индийского океана до Тихого океана, связанного морскими путями ЮВА. АСЕАН является центральным институтом ИТР.</p>

	<ul style="list-style-type: none"> ▪ отказ от продвижения ценностных категорий в ИТР, кроме универсальных ценностей и прав человека; ▪ ИТР строится на сотрудничестве демократических стран, на двусторонней основе или малочисленных блоках. <p>Документы White Paper of government, 2012; Australian Defence White Paper of 2013 [37]; Defence White Paper of 2016 [38]; Foreign Policy White Paper of 2017 [39].</p>		
--	--	--	--

Границы Индо-Тихоокеанского региона не устоявшиеся, но прежде всего морские, что помогает определить его базисную ось – морские пути Юго-Восточной Азии [4, с. 10]. Модель мандалы, происходящая из индуистской космологии, замкнутая геометрическая система с равноудаленными от центра элементами, понятная для государственной культуры управления Республики Индия и государств Юго-Восточной Азии определяет тезис: государства определяются своим центром, а не периферией. Такая модель государственного управления в достаточной степени отличается от “среднего царства” китайского государственного управления. Модель мандалы признает мир многих наций со своими качествами, центральность не дает превосходства. Говоря политологическим языком Индо-Тихоокеанский регион приравнивается к многополярности, равному суверенитету, устойчивой и инклюзивной региональной международно-правовой системе, где “пояс и путь” далеко не одни. Мысли и ценности цивилизационных культур являются редким аспектом внимания политологического анализа, вместе с этим, как было отмечено автором выше, осью Индо-Тихоокеанского региона являются морские пути Юго-Восточной Азии, узловой точкой которых является Малаккский пролив, о котором и пойдёт речь далее.

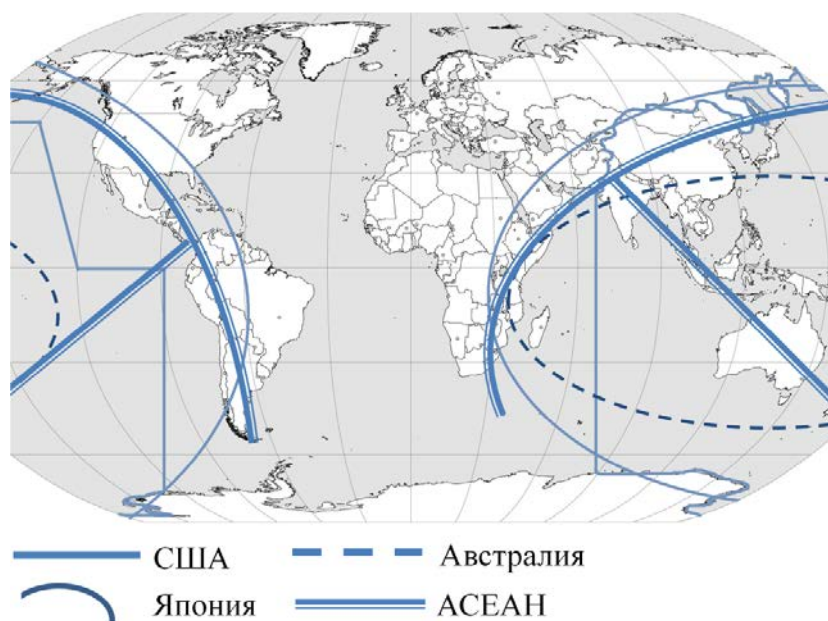

Рисунок №1. Географические границы Индо-Тихоокеанского региона.

“Средние державы” Индо-Тихоокеанского региона в долгосрочной перспективе обеспечивают конкурентоспособную модель “регионализма”, в многополярной модели развития региона невозможно иметь изоляционистскую тенденцию. Включение Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанский регион говорит о кардинальном изменении политического дискурса со времён Холодной войны, где “сдерживание” было заменено “включением” или “условным участием” с целью формирования устойчивой и инклюзивной модели региона, не формируемого сверхдержавами, а включающего их в контексте многополярности, сохраняя роль “средних держав”.

Республика Индия, Япония, Австралийский Союз [40] и Республика Индонезия являются такими “средними державами”, имеют серьезные противоречия с Китайской Народной Республикой и устойчивую, во многом, независимую внешнюю политику, при этом отличаются рациональным многосторонним подходом к решению вопросов национальной безопасности. В 2018 году численность вышеуказанных государств составила 1,75 миллиарда человек [41], ВВП (в соответствии с ППС) составил 21 триллион долларов США, совокупные расходы на оборону составили 147 миллиардов долларов США [42].

В соответствии с докладов PricewaterhouseCoopers, международной сети компаний, предлагающей услуги в области консалтинга и аудита, к

2050 году совокупное население вышеуказанных стран составит 2,108 миллиарда человек, ВВП (в соответствии с ППС) 63,97 триллиона долларов США, ожидаемые совокупные расходы на оборону Республики Индии, Японии и Республики Индонезия (исключая Австралийский Союз) к 2050 году превысят аналогичные показатели Китайской Народной Республики. Несмотря на недостатки метода экстраполяции, предполагаемая тенденция является впечатляющей для “средних держав”. В действительности же, разнонаправленные внешнеполитические курса перевешивают дипломатические и политические издержки, необходимые для формирования формальных союзов, договоренностей, обеспечивающих взаимные обязательства между сторонами в контексте Индо-Тихоокеанского региона, в начале XXI века [43]. Вместе с этим регион находится в очередном этапе становления со множеством вероятных комбинаций, какая страна готова изменить свой “регионализм”, изменить границы региона, объединить Тихий и Индийский океаны, с целью сохранения суверенитета и региональной стабильности в условиях флуктуаций азиатского направления Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

В июне 2019 года десять стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) согласились [44] с перспективой расширения географии региона, что подтверждает тезис, что Индо-Тихоокеанский регион не является идеей чуждой для Азии. В действительности, концепция предоставляет “средним державам” Юго-Восточной Азии центральную роль в регионе, в соответствии с исключительным географическим положением между Индийским и Тихим океанами. Ранее премьер-министр Республики Индия Нарендра Моди в рамках своего выступления на Саммите по Безопасности в Азии, прошедшем в Республике Сингапур в 2018 году, обозначил [45] Индо-Тихоокеанский регион ключевой темой перспектив развития региона, отмечая роль АСЕАН (22 упоминания) в контексте Индо-Тихоокеанского региона (11 актов артикуляции).

Вышеупомянутый ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года, по мнению автора, представляет собой значимый документ в формировании нарратива регионального процесса, стоящего за концепцией Индо-Тихоокеанского региона. Юго-Восточная Азия находится в центре между

Азиатско-Тихоокеанским регионом и регионом Индийского океана, следовательно, в интересах Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, руководить и формировать экономическую структуру и архитектуру безопасности как с целью сохранения регионального экономического роста, так и стабилизации роста военных сил в регионе. АСЕАН видит себя посредником в стратегических средах конкурирующих интересов, институциональным гарантом сохранения динамики стабильности и процветания Азиатско-Тихоокеанского региона, Индийского океана, Индо-Тихоокеанского региона. АСЕАН в перспективе видит организацию на центральном месте в будущей архитектуре Индо-Тихоокеанского региона, предусматривая концептуальную возможность расширения, но не дублирования или переноса, существующих форматов взаимодействия и диалога, таких как Восточноазиатский форум (EAS)¹. Иные перспективы АСЕАН строятся на следующих ключевых элементах: 1) Азиатско-Тихоокеанский регион и Индийский океан являются тесно интегрированными и взаимосвязанными регионами по отношению к Юго-Восточной Азии; 2) сотрудничество, а не соперничество; 3) инклюзивная экономическая модель интеграции; 4) приоритет морской сферы и её перспектив в развивающейся региональной архитектуре. Таким образом, видение Индо-Тихоокеанского региона АСЕАН имеет свою направленность на: 1) построение диалога с акторами региона; 2) построение региональной стабильной архитектуры безопасности, повышение ранее обозначенного уровня доверия; 3) обеспечение влияния политических институтов АСЕАН (EAS, ARF, ADMM-Plus, EAMF, расширенные форматы ASEAN+); 4) определение новых тенденций и поддержание существующих в приоритетных областях сотрудничества, таких как: морское сотрудничество, экономическое, достижение Целей устойчивого развития и обеспечение “связанности” регионов.

В части принципов² деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии в Индо-Тихоокеанском регионе необходимо отметить: центральность, прозрачность, инклюзивность, легализм, рациональность управления, уважение суверенитета, соблюдение принципа

---

¹ В соответствии с п.5 раздела Background and Rationale ASEAN outlook on the Indo-Pacific. 2019 г.

² В соответствии с п.10 раздела Principles ASEAN outlook on the Indo-Pacific. 2019 г.

невмешательства, взаимодополняемость, равенство, взаимное доверие, взаимная выгода, уважение к международному праву (Устав ООН, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Устав АСЕАН, Принципы взаимовыгодных отношений EAS 2011 года³, принципы Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС)). В соответствии с п.12 рассматриваемого раздела ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года должно прийти к выводу, что документ планируется к дальнейшему применению в политическом дискурсе межгосударственных отношений. В практическом же отношении появление документа обозначило тенденцию к развитию следующих областей сотрудничества: морское сотрудничество, экономическое, построение региональной “связанности” или связи, как это ранее было обозначено.

“Связанность” в свою очередь подразумевает достижение бесшовного и всесторонне интегрированного региона, что способствует росту конкурентоспособности, инклюзивности и большей общности в соответствии с духом Генерального плана по соединению АСЕАН 2025 (MPAC 2025), создание физической инфраструктуры связи, включая межинституциональную, физическую и связь между людьми и сообществами, представляется ключевой задачей. Обеспечение региональное “связанности” Индо-Тихоокеанского региона представляется возможным посредством: 1) изучения ключевых направлений и имплементации MPAC 2025; 2) развитие программ регионального государственного-частного партнёрства; 3) взаимодействие с субрегиональными структурами (IORA, BIMSTEC, VIMP-EAGA, ACMECS); 4) создание единого воздушного пространства с согласование и совместными процедурами, увеличение пропускной способности; 5) связь между людьми, представителями бизнеса, университетов, академий; 6) реализация инициативы ASCN с целью решения проблемы быстрой урбанизации; 7) содействие торговле и логистической инфраструктуре торговли и услуг; 8) цифровизация экономики и упрощение трансграничного обмена данными; 9) углубление экономической интеграции, обеспечение финансовой стабильности и устойчивости, посредством осуществления Плана Экономического Сообщества АСЕАН

---

³ Principles for Mutually Beneficial Relations.

2025, Регионального комплексного экономического партнёрства (RCEP); 10) сотрудничество в подготовке к четвертой промышленной революции, обмен опытом; 11) усиление взаимодополняемости и согласование повести дня регионального развития с ЦЕР, посредством учёта Видения сообщества АСЕАН на 2025 год, содействие с Центром исследований устойчивого развития АСЕАН, расширение форматов диалога.

Существующие геополитические проблемы, связанные с вопросами нерешенных территориальных споров, в том числе споров касательно территориальных вод, нестабильной эксплуатации морских ресурсов, включая вытекающие проблемы пиратства и незаконного рыбного промысла, и загрязнение окружающей морской среды становится все более серьезной проблемой в XXI веке, выходящей за рамки национальной системы администрирования. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, морское сотрудничество, предусматриваемое АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе включает: 1) сотрудничество по мирному урегулированию споров, содействие безопасности на море, свобода навигации и перелета, противодействие транснациональной преступности; 2) сотрудничество по обеспечению стабильности управления морскими ресурсами, налаживание морской коммуникации, защита прибрежных сообществ, поддержка мелких рыболовных сообществ, продвижение морской торговли, экологически-чистой (голубой) экономики; 3) борьба с загрязнением морской среды, повышением уровня моря, морским мусором, сохранение биологического разнообразия, продвижение экологически чистых технологий; 4) техническое сотрудничество в области морского научного сотрудничества, повышение осведомленности, обмен опытом и практиками, управление опасностями, включая disaster management.

В рамках вышеизложенных тенденций развития региональных интеграционных процессов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии с точки зрения ключевого регионального актора, Республики Индонезия, проект ASEAN Common Visa предстает в качестве альтернативы для улучшения эффективности региональной интеграции и наверстывания упущенного потенциала в сравнении с другими региональными международными организациями. ASEAN Common Visa является результатом Инициативы по интеграции АСЕАН (IAI), планом по

сокращению разрыва в сферах АЕС, АСC, АССC. Исследователь А. Берковский [46] выявил высокую концентрацию АСЕАН на рыночной интеграции при условии недостаточной институционализации, интеграционные процессы АСЕАН во многом развиваются на основе действующих расширенных форматов АСЕАН+, следовательно, ЗСТ. ASEAN Tourism Strategic Plan 2011–2015 включает в себя проекты структур для создания транспортных связей между странами для поддержания внутрорегионального сообщения, ст. 3.2.1. обозначает необходимость улучшения инфраструктуры как средства сокращения барьеров интеграционных процессов. Реализация ASEAN Common Visa потребует имплементации и разрешения ряда ранее обозначенных противоречий в рамках АССC, АЕС, АРСC, вместе с этим придаст стимул для развития интеграционных процессов, даже в сохраняющейся ориентации на явную прибыль. Как уже было озвучено ранее, среди потенциальных источников развития экономики туризм считается одним из самых перспективных и быстрорастущих рынков Юго-Восточной Азии.

Общее количество посетителей, прибывших в АСЕАН, заметно увеличилось в период 2005-2018 годов, достигнув 135,3 млн. чел. в 2018 году, что на 263,7% больше, чем в 2005 году (см. график №1).

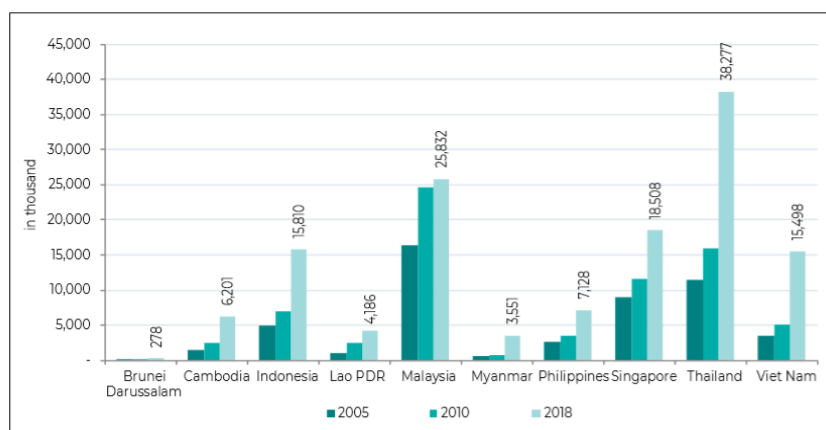

График №.1 Количество прибывших посетителей по странам-членам АСЕАН, 2005–2018 гг. (взято из ASEAN Key Figures 2019 г. [47]).

Странами с наибольшим числом прибывших туристов в 2018 году были Таиланд (38,3 млн. чел.), Малайзия (25,8 млн. чел.), Сингапур (18,5 млн. чел.), Индонезия (15,8 млн. чел.) и Вьетнам (15,5 млн. чел.). С другой стороны, Лаосскую Народно-Демократическую Республику и Мьянму посетили менее 5 млн. чел. Число внутрорегиональных туристов АСЕАН

составило 49,7 миллиона, или 36,7% от общего числа посетителей, прибывших в АСЕАН в 2018 году, что на 212,2% больше, чем в 2005 году (см. график №2).

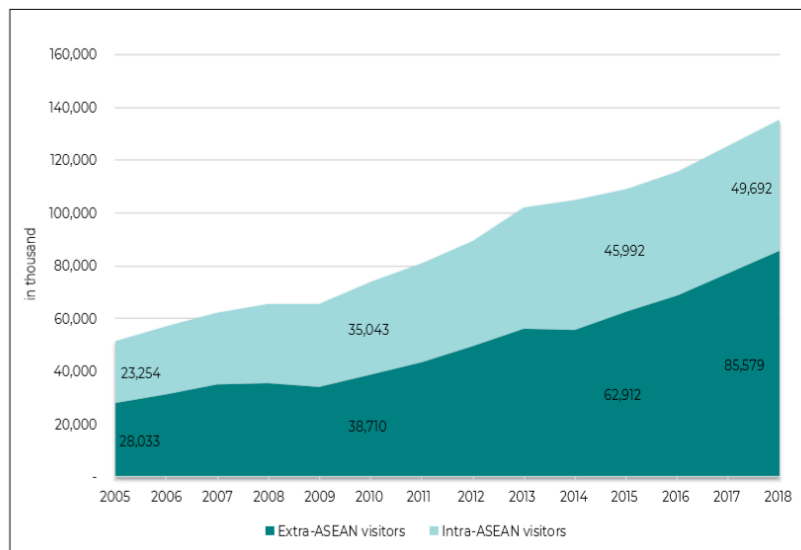

График №2. Количество внутри- и внерегиональных туристов АСЕАН, 2005–2018 гг. (взято из ASEAN Key Figures 2019 г. [47]).

Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) в сотрудничестве с Oxford Economics, основываясь на опыте кризисов мирового туризма, вызванных эпидемией SARS и H1N1, предварительно оценил ущерб туристской отрасли от эпидемии COVID-19 в размере 22 млрд. долл. США. Вместе с этим, автор хотел бы отметить, что проект ASEAN Common Visa готовится к реализации в горизонте 2025 года, вместе с этим, затрагивает вопросы региональной безопасности, борьбы с нетрадиционными угрозами национальной безопасности, ликвидации последствий природных катаклизмов, миграционной политики, институтов рынка услуг, экологии и во многом является стратегическим проектом по формированию качественно нового регионального пространства АСЕАН.

Индустрия туризма в АСЕАН в 2006 г. составила 2 326 577 долл. США, в 2017 г. – 9 697 585 долл. США, доход от туристской сферы за 11 лет вырос в 4 раза в соответствии с данными Euromoney Institutional Investor Company (CEIC). В период 2002–2012 гг. доход Федерации Малайзия от сферы туризма увеличился вдвое и составил 25 млн. долл. США, а общая прибыль совместных отраслей составила 60 млн. долл. США, в соответствии с исследованием А. Мосбаха и А. Салеха [48], успех отрасли был вызван развитием инфраструктуры, продвижением

туристского бренда Федерации Малайзия («Malaysia, Truly Asia»), проведением рекламных мероприятий. Показатели дохода Республики Индонезия от туристской отрасли в 2006 году составили 4 447 980 долл. США, в 2014 порядка 11 млн. долл. США. В.Л. Сабон [49] в своем исследовании отмечает высокие достижения туристского бренда («Wonderful Indonesia»), использование его как составной части мягкой политики Республики Индонезия, успехи в строительстве международных аэропортов, отвечающих высоким стандартом безопасности и качеством услуг, введение безвизового сообщения со 169 странами. Министр-координатор морского судоходства Республики Индонезия Ризал Рамли отмечал, что визовая политика Индонезии, Малайзии, Сингапура и Таиланда является стратегией привлечения международных туристов [50]. Для Республики Сингапур, согласно СЕИС, в 2011 году доход от отрасли туризма составил 4 млн. долл. США, ключевые достижения включают в себя высокий уровень безопасности, высокий уровень сервиса и инвестиционная привлекательность Республики Сингапур для международных туристских холдингов, введение электронных виз. Отмена виз внутри Ассоциации стран Юго-Восточной Азии является развитием политики AFTA (ЗСТ АСЕАН) [51]. Однако ключевое достижение процесса было выявлено исследователями Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, в частности А. Ачарией [52], проводимая политика формирования единого визового пространства позволило большему числу граждан стран-участниц АСЕАН почувствовать принадлежности к АСЕАН. ASEAN Common Visa позволит сформировать новые функциональные границы Ассоциации стран Юго-Восточной Азии.

Согласно Х. Кацумата [53], государства-члены АСЕАН склонны к сотрудничеству с целью углубления региональной интеграции, при строгом соблюдении уважения суверенитета, и верховенстве принципа консенсуса и использовании диалога и консультации как механизма решения проблем. «Путь АСЕАН⁴» сохраняет приоритет национальной повестки дня над легитимной наднациональной сферой [54]. Механизм соблюдения принципов «Пути АСЕАН»: а) уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной

---

⁴ ASEAN Way.

идентичности всех государств-членов АСЕАН; б) общая приверженность и коллективная ответственность за укрепление мира в регионе, безопасность и процветание; в) отказ от агрессии и угрозы силой или ее применения или других действий любым способом, противоречащий международному праву; г) мирное урегулирование споров; д) невмешательство во внутренние дела государств-членов АСЕАН; ж) уважение права каждого государства-члена на ведение своей национальной политики без внешнего вмешательства, ведения подрывной деятельности и принуждение - закреплен Уставом АСЕАН 2007 года.

Принцип невмешательства, как отметил в своем исследовании Л. Джонс [55], снижает легитимность Ассоциации стран Юго-Восточной Азии как регионального актора ЮВА, примерами служат ограниченная экономическая политика в отношении стран, наиболее пострадавших от азиатского кризиса 1997–1998 гг., территориальные конфликты и споры в ЮКМ, проблема беженцев Рохинджа. Вместе с этим, принцип невмешательства направлен на предотвращение нестабильности в регионе, исторический, колониальный фон сформировал жесткую позицию стран-участниц АСЕАН в отношении принципа уважения суверенитета [56].

Реализация проекта ASEAN Common Visa будет означать корректировку принципов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии в горизонте 2025 года в сферах реализации проекта, что является маловероятным развитием событий в контексте существующего уровня институционализации АСЕАН. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии не может строго адаптировать опыт Европейского Союза в контексте Шенгенского соглашения. Потенциальными шагами в достижении целей ASEAN Common Visa без изменения принципов «Пути АСЕАН» являются создание интегрированного механизма средства мониторинга и обеспечения безопасности посредством развития ASEAN LINKS, что в свою очередь позволит поддерживать интеграцию систем иммиграционного учёта. Гомогенизация национальных законодательств, проявляющая себя в странах Малаккского пролива, демонстрирует тенденцию к запрету двусторонних и многосторонних соглашений между страной-участницей АСЕАН и внерегиональным актором без уведомления и учёта позиции всех стран-участниц АСЕАН. В этом же контексте проявят себя дальнейшее развитие Соглашения АСЕАН о передвижении

физических лиц и введение дополнительных соглашений к Проекту конкретных квалификаций и наборов навыков (MRA). Ожидается развитие концепции ASEAN Lane, специального механизма проведения миграционных проверок граждан стран-участниц АСЕАН; основными выгодоприобретателями от реализации проекта ASEAN Common Visa являются страны Малаккского пролива.

Проект ASEAN Common Visa и средства его достижения в горизонте 2025 года являются механизмом повышения эффективности региональной интеграции и наверстывания упущенного потенциала в контексте возникших противоречий в рамках APSC (ASEAN Political-Security Community), АЕС (ASEAN Economic Community), ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC). Проект ASEAN Common Visa может стать инструментом формирования новой региональной идентичности АСЕАН. Сохранение региональной идентичности или же её адаптации к условиям естественной среды обитания, как было обозначено ранее, является инструментом сохранения будущей значимости АСЕАН, построенной на принципах инклюзивного подхода к сотрудничеству. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific 2019 года подвержена данной тенденции развития региональной идентичности АСЕАН, формирует основу для переосмысления границ АСЕАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Birtles B.** China mocks Australia over “Indo-Pacific” concept it says will “dissipate, ABC News, 8 марта 2018.
2. **Zhang F.** China’s curious nonchalance towards the Indo-Pacific”, Survival, Vol. 61, No. 3, 2019.
3. **Kaplan R.** Center stage for the 21st century: power plays in the Indian Ocean, Foreign Affairs (Март, Апрель 2009).
4. **Medcalf R.** Many Players, Many Layers: The Indo-Pacific Long Game, Research Division Asia. BCAS 2019. Session 1, ноябрь 2019.
5. **Андропова Л.А., Ван Чаолинь.** Позиции США, Китая и Индии по поводу формирования нового Индо-Тихоокеанского региона, Вестник Томского государственного университета, Проблемы всеобщей истории и международных отношений, №60, 2019 год, С.90–96.
6. Defence White Paper 2013, Australian Government, Department of Defence. URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 19.07.2020).

7. Documents: Japan's Major Foreign Policy Statements (2017), Japan Review. 2017. Vol. 1, № 2. URL: https://www.jiia-jic.jp/en/japanreview/pdf/JapanReview_Vol1_No2_05_Documents.pdf (дата обращения: 19.07.2020).
8. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America, Department of Defense, URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
9. **Suryadinata L.** Indonesia and Its Stance on the “Indo-Pacific”, ISEAS Perspective. 2018. № 66. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_66@50.pdf (дата обращения: 19.07.2020).
10. **Acharya A.** The End of American World Order, Polity Press, London, 2014.
11. **Chunshan M.** What is CICA (and why does China care about it)? The Diplomat, 17 мая 2014.
12. **Вершинина В.В.** Державы среднего уровня в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов, Сравнительный анализ концепций и институтов №11, 2020 год, Московский государственный институт международных отношений, Москва, С.25–39.
13. **Glazerbrook G.D.** The Middle Powers in the United Nations System, International Organization, June 1947, Vol. 1, No. 2, 308 с.
14. **Holbraad C.** Middle Powers in International Politics. London: Macmillan Press, 1984, 75 с.
15. **Watry D.M.** Diplomacy at the Brink: Eisenhower, Churchill, and Eden in the Cold War, LSU Press, 2014.
16. **Cooper A., Higgott R., Nossal K.R.** Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order”. Vancouver: UBC Press, 2004, 96 с.
17. **Keohane R.** Lilliputians, Dilemmas: Small States in International Politics, International Organization, 1969, № 23, No. 2, 296 с.
18. **Cox R.W.** Middlepowermanship, Japan, and Future World Order, International Journal, 1989, 44, No. 4, 827 с.
19. **Anthea R., Moraes H.C., Ferguson V.** The geoeconomic world order, Lawfare blog, 19 ноября 2018.
20. **Cuiping Z.** India's Ocean: Can China and India Coexist? Springer/Social Sciences Academic Press, Singapore, 2018, С. 142–143.
21. **Blackwill R.D., Harris J.M.** War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft, Harvard University Press, Cambridge Massachusetts, 2016.
22. State Council, People's Republic of China, China's Military Strategy, 2015.
23. **General Campbell A.** Chief of the Australian Defence Force, “You may not be interested in war, but war is interested in you”, Australian Strategic Policy Institute ‘War in 2025’ conference, Canberra, 13 июня 2019.
24. **Medcalf R.** China's influence in Australia is not ordinary soft power, Australian Financial Review, 7 июня 2017.
25. **Harris P.** Conflict with China is not about a clash of civilizations, The National Interest online, 3 июня 2019.

- 26. Taylor B.** The Four Flashpoints: How Asia Goes to War, La Trobe University Press, Melbourne, 2018.
- 27.** The Department of Defense, Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region (Washington, D.C., 01.06.2019), [URL]: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDOPACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 02.08.2020).
- 28.** The White House, “Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam”, Da Nang, 10 ноября 2017, [URL]: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения: 02.08.2020).
- 29.** Center for Strategic and International Studies (CSIS), Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson, Washington, D.C., 18 октября 2017.
- 30. Limviphuwat P.** American Investors Eye Energy Sector under Asia Edge Initiative, The Nation, 02.06.2019, URL: <https://www.nationthailand.com/business/30371530> (дата обращения: 02.08.2020).
- 31.** U.S. Department of State, A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision (Washington, D.C., 4 ноября 2019), URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacificadvancing-a-shared-vision/> (дата обращения: 02.08.2020).
- 32. Rossiter A.** The ‘Free and Open Indo-Pacific’ Strategy and Japan’s Emerging Security Posture, Rising Powers Quarterly 3, №. 2 (2018): с. 113–131.
- 33. Koga K.** Japan’s ‘Indo-Pacific’ Question: Countering China or Shaping a New Regional Order?, International Affairs 96, no. 1 (2020), с. 49–73 [URL]: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz241> (дата обращения: 02.08.2020).
- 34.** Ministry of Foreign Affairs of Japan, Remarks by Mr. Nobuo Kishi, State Minister for Foreign Affairs at the Indian Ocean Conference 2016, Singapore, 07.10.2016, [URL]: <https://www.mofa.go.jp/files/000185853.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).
- 35. Osaki T.** In blow to China, Japan’s ‘quality infrastructure’ to get endorsement at Osaka G20, The Japan Times Online, 25 июня 2019, URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/06/25/business/economy-business/blow-chinajapans-quality-infrastructure-get-endorsement-osaka-g20/> (дата обращения: 02.08.2020).
- 36.** Prime Minister of Japan and His Cabinet, Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 196th Session of the Diet, Tokyo, 22 января 2018, [URL]: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201801/_00002.html (дата обращения: 02.08.2020).
- 37.** Australian Government, Department of Defence, 2013 Defence White Paper (Canberra, 2013), URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 02.08.2020).
- 38.** Australian Government, Department of Defence, 2016 Defence White Paper (Canberra, 2016), URL: <https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

39. Australian Government, 2017 Foreign Policy White Paper. Opportunity, Security, Strength (Canberra, November 2017) URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policywhite-paper.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).
40. Commonwealth of Australia, Opportunity, security, strength: the 2017 foreign policy white paper, Canberra, 2017.
41. PricewaterhouseCoopers, The long view: how will the global economic order change by 2050? Февраль 2017, С. 23–68.
42. Stockholm International Peace Research Institute, Military expenditure by country, in constant 2017 US\$ 1988–2018.
43. **Medcalf R., Mohan R.J.** Responding to IndoPacific rivalry: Australia, India and middle power coalitions, Lowy Institute Analysis, 2014.
44. ASEAN outlook on the Indo-Pacific, Association of Southeast Asian Nations, 23 июня 2019, URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 04.06.2020)
45. **Modi N.** Prime Minister’s keynote address at the Shangri-La Dialogue, Singapore, 1 июня 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (дата обращения: 04.06.2020).
46. **Berkofsky A.** Comparing EU and Asian Integration Processes- The EU a Role Model for Asia?, European Policy Centre (EPC), 2011 год, С.1–22.
47. ASEAN Key Figures 2019, URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2019/11/ASEAN_Key_Figures_2019.pdf (дата обращения: 08.08.2020).
48. **Mosbah A., Saleh A.** A Review of Tourism Development in Malaysia. European Journal of Business and Management, 6(5), 2014 год, С. 1–9.
49. **Sabon V.L.** The Strategy in Improving Indonesian Tourism Sector in the ASEAN Economic Community, Esensi: Jurnal Bisnis Dan Manajemen, 2018 г., С.1–14.
50. **Satu B.** Free Visa for 45 Countries in the World”, 2015, Электронный ресурс, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RQpYiBzI748> (дата обращения: 16.08.2020).
51. **Pinatih N.K.** ASEAN Framework Agreement on Visa Exemption and Transnational Crime: East Java Case Studies. IAFOR Journal of the Social Sciences, 2(2), 2016. – С. 1–13.
52. **Acharya A.** The Evolution and Limitations of ASEAN Identity, The ASEAN Secretariat, Jakarta, 2019. – С.1–14.
53. **Katsumata H.** Why is ASEAN Diplomacy changing? From non-interference to open and frank discussions, Asian Survey, XLIV, 2004. – С. 237–254.
54. **Narine S.** Forty years of ASEAN: A historical review, The Pacific Review, 21(4), 2008. – С. 411–429.
55. **Jones L.** ASEAN’s Unchanged Melody? The Theory and Practice of nonInterference’ in Southeast Asia, The Pacific Review, 23(4), 2010. – С. 479–502.
56. **Thanawat P.** Ethno-Cultural Diversity: A Challenging Parameter for ASEAN Regional Integration. Proceedings of the 2013 International Conference on Public Management, ICPM-13, 2013 г.

TITOVICH Adam M. – North-West Institute of Management, branch of RANEPА. 57/43, Sredny pr. V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: lutkof@hotmail.com

ATNASHEV Vadim R. – North-West Institute of Management, branch of RANEPА. 57/43, Sredny pr. V.O., Saint-Petersburg, Russia, 199178. E-mail: vatnash@hotmail.com

INTEGRATION PROCESSES IN SOUTH-EAST ASIA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE INDO-PACIFIC REGION (2010–2020s)

The boundaries of the Indo-Pacific region are not well-established, but they are primarily maritime, which helps to determine its basic axis - the sea routes of Southeast Asia. The middle powers of the Indo-Pacific region provide a competitive model of regionalism in the long run. In June 2019, ten countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) agreed on the prospect of expanding the geography of the region, which confirms the thesis that the Indo-Pacific region is not an alien idea for Asia. In fact, the concept gives the middle powers of Southeast Asia a central role in the region, in line with the exceptional geographic location between the Indian and Pacific oceans. The 2019 ASEAN Outlook on the Indo-Pacific is a significant document in shaping the narrative of the regional process behind the Indo-Pacific vision.

The ASEAN Common Visa project and the ways of achieving it in the 2025 horizon are a mechanism for increasing the efficiency of regional integration and catching up on lost potential in the context of the contradictions that have arisen within the APSC (ASEAN Political-Security Community), AEC (ASEAN Economic Community), ASEAN Socio-Cultural Community (ASCC). The ASEAN Common Visa project can become a tool for the formation of a new regional identity for Southeast Asia.

ASEAN; INTERNATIONAL LAW; MEDIUM POWER; GEOECONOMY; MILITARY DIMENSION; SECURITY; TOURISM
